

Разрешение на печать

Чу Цы набросал на бумаге ещё десяток вопросов по толкованию канонов, чтобы утолить внезапную жажду Чжан Вэньхуа к учёбе. Передав листы другу, юноша коротко попрощался и вышел из поместья, бережно прижимая к груди тяжёлый свиток.

Он направился к Лавочнику Лу. Нужно было не только сдать готовую работу, но и обсудить возможность издания сборника задач.

Лу Фэн и сегодня был в своей лавке, однако у прилавка его не оказалось — он отдыхал на заднем дворе, нежась на солнце. Ху-цзы провёл гостя через дом. Хозяин лавки полулежал в плетёном кресле-качалке, самозабвенно погрузившись в чтение какой-то повести.

— Кхм-кхм.

Чу Цы негромко кашлянул, привлекая внимание. Заметив, что собеседник обернулся, он вежливо поклонился:

— Я пришёл без приглашения и, боюсь, нарушил ваш покой. Прошу простить мне эту бесцеремонность.

— Сючай Чу, о чём вы говорите! — Лу Фэн порывисто поднялся. — Такого редкого гостя, как вы, я и сам бы зазвал, да только дождаться трудно. Вашему приходу я лишь искренне рад. Прошу, присаживайтесь. Отведайте-ка свежего пуэра, что мне недавно доставили, и скажите, каков он на вкус.

Чу Цы принял чашу, сначала вдохнул аромат и лишь затем сделал медленный, вдумчивый глоток. Спустя мгновение он кивнул:

— Ароматный, мягкий, со сладким послевкусием. Отменный чай.

Видя, что его вкус оценили по достоинству, Лавочник Лу довольно заулыбался. Он всегда подозревал, что этот юный учёный понимает в изысканных вещах куда больше простых обывателей.

— Господин Лу, я здесь по делу — принёс готовую картину.

— Неужто закончили? — Лавочник Лу изумлённо вскинул брови. — Какая быстрота! Шёл ведь всего четвёртый день. Где же она? Позвольте взглянуть.

— Разумеется. Прошу вас.

Чу Цы медленно развернул свиток. Перед взором хозяина лавки предстала красавица с ясным взглядом и жемчужной улыбкой. Алое платье делало её облик невероятно живым и трогательным. Дева неспешно ступала по сливовой роще, и сочетание красных одежд с белым цветом лепестков придавало ей вид почти неземной, возвышенный.

Собеседник замер, не в силах отвести глаз. Прошло немало времени, прежде чем он смог заговорить:

— Сючай Чу... Портрет красавицы в вашем исполнении столь совершенен и в форме, и в духе, что я, старый, право слово, лишился дара речи.

В нынешнее время художники больше стремились передать «дыхание жизни» и мимолётный образ, пренебрегая точностью. Чу Цы же, напротив, придавал огромное значение сходству и деталям. Подобный подход мог быть встречен прохладно в кругах высокой живописи, но для простого люда такая картина была верхом совершенства — прекрасная, словно живая.

Юноша свернул полотно и отложил его в сторону.

— Помимо картины, у меня есть к вам ещё одно важное предложение.

— Я весь во внимании.

— Я задумал составить сборник задач. Не подскажете ли, какие порядки заведены в уездных книжных мастерских на этот счёт? — Чу Цы решил сначала разузнать о правилах издания.

— Сборник задач? — Лу Фэн оживился. — Это прекрасная мысль! Всякий раз, когда в заведение завозят материалы к уездным экзаменам, их расхватывают в мгновение ока. Беда в том, что уезд присылает сущие крохи, и нам приходится нанимать книжников для переписки. Если вы составите достойный труд, мы отпечатаем его большим тиражом. Уверен, на этом можно будет славно заработать.

Лавочник Лу смотрел на гостя с такой теплотой, что тому стало даже не по себе. Старик и подумать не мог, что случайное знакомство у прилавка обернётся для его лавки настоящим сокровищем.

Чу Цы невольно усмехнулся. Собеседник верил в него едва ли не больше, чем он сам. Раз преград для печати нет, оставалось только вернуться домой и как следует потрудиться над вопросами.

Стоило Чу Цы уйти, как Лавочник Лу, не теряя ни минуты, велел закладывать повозку. Прихватив футляр с картиной, он поспешил в сторону уездного города.

От городка Пинъань до уезда Юаньшань было добрых восемьдесят ли. Если выехать прямо сейчас, можно было успеть к воротам до их закрытия.

После долгой дороги повозка наконец замерла перед зданием книжной мастерской. Лавочник Лу вручил привратнику несколько монет, прося доложить о приезде, а сам остался ждать у порога.

Вскоре его пригласили войти. Лу Фэн проследовал внутрь и увидел управляющего Хуана, который чаёвничал в компании того самого господина, что и в прошлый раз.

— Почтение управляющему Хуану и господину Сюю. Дело, о котором мы уговаривались, исполнено. Принёс картину, надеюсь, не помешал вашей беседе.

— Господин Лу слишком официален, — звучно рассмеялся господин Сюй. — Если бы не ваше содействие, я бы и самого этого мастера, «Гостя из-за пределов Небес», вовек бы не разыскал.

Управляющий Хуан сохранял невозмутимость — для Лу Фэна он был непосредственным начальством, а потому в излишних любезностях не нуждался.

— Раз принёс — показывай.

— Картина здесь. Не желаете ли взглянуть? — Лу Фэн осторожно извлёк свиток из длинного деревянного короба.

Господин Сюй заметно волновался. С трудом сдерживая нетерпение, он лишь коротко кивнул.

Когда свиток развернули, и перед присутствующими предстала дева в алом, господин Сюй внезапно замер. По его лицу, изрезанному морщинами, градом покатались слёзы. В его взгляде читалась глубокая, щемящая тоска.

Управляющий Хуан тоже выглядел поражённым, будто увидел нечто невыносимое.

Лавочник Лу, не понимая причин такой реакции, осознал: за этим заказом скрывается тайна, о которой он и не догадывался. Видимо, господин Сюй желал этот портрет вовсе не ради любования мастерством юного сюэя.

Постепенно гость взял себя в руки. Утерев слёзы, он произнёс:

— Прошу простить мою слабость, старик разволновался. Картина... она великолепна. Никогда не видел ничего столь похожего на оригинал.

— Что ж, этот «Гость» и впрямь владеет кистью, — неохотно признал Хуан.

Господин Сюй принял свиток, после чего достал кошель и протянул его Лу Фэну.

— Это малая благодарность. Прошу передать мастеру в качестве платы за труды.

Лавочник не спешил принимать деньги, на его лице отразилось сомнение.

— Есть ли у вас какая-то просьба? — заметил господин Сюй. — Говорите прямо.

— Видите ли... — вздохнул Лу Фэн. — Когда я просил его о картине и упомянул, что заказ идёт через управляющего Хуана, мастер согласился без колебаний. Он — человек учёный, имеет степень сюцай. Движимый заботой о благе других студентов, он возжелал издать сборник задач для их упражнения. Но он опасается сложностей с получением разрешения на печать...

Присутствующие были людьми проницательными и сразу поняли, к чему клонит лавочник. Господин Сюй переглянулся с управляющим Хуаном и едва заметно кивнул.

— Стало быть, его заботит шухао — номер издания? — подал голос Хуан. — Такое благородное дело, направленное на пользу просвещения, нельзя откладывать. Я доложу об этом секретарю-вэньшу, пусть выделяют место в реестре и поскорее одобряют печать.

Лавочник Лу просиял. Он поднялся и низко поклонился:

— Ваша забота о нуждах уезда — истинное благословение для жителей Юаньшани. Я передам ваши слова благодарности мастеру.

— И плату всё же возьмите, — добавил Сюй. — Учёному мужу в его годы живётся непросто, мы не можем оставить его труды без должного вознаграждения.

В народе говорили: «Бедный сюцай, богатый цзюйжэнь». Раз сюцай взялся за рисование иллюстраций на заказ, значит, дела в его семье шли совсем худо.

Лу Фэн не стал более препираться и принял кошель.

Когда Лавочник Лу ушёл, управляющий Хуан спросил:

— Брат Сюй, зачем ты выхлопотал для него это разрешение? Пятидесяти лянов серебра за картину было более чем достаточно.

— Мастер смог изобразить нашу барышню столь живой, что даже если бы его требования были вдесятеро выше, я бы не отказал, — старый управляющий Сюй тяжело вздохнул. — Мой юный хозяин, увидев этот лик, обретёт хоть каплю утешения. Перед смертью барышня передала мне визитную карточку Виночерпия Яня. Использовать её влияние, чтобы получить уездный номер для печати — дело пустяковое.

Хозяином управляющего Сюя был чиновник, получивший степень цзиньши ещё в шестнадцатый год эры Цзяю. Не имея склонности к придворным интригам, он вернулся в родные края, предпочитая жизнь состоятельного затворника.

Барышня была его первенцем. Отец души в ней не чаял, сам обучал грамоте и никогда не стеснял её волю суровыми правилами приличия. Когда ей исполнилось шесть лет, мать умерла в родах, оставив супругу сына. Убитый горем вдовец посвятил себя воспитанию детей, так и не женившись во второй раз.

В шестнадцать лет барышня вместе с отцом отправилась в путешествие. На дороге они подобрали несчастного, изголодавшегося книжника. По доброте душевной хозяин Сюй выходил его, а разглядев в юноше талант, взял в ученики и привёз в своё поместье.

Девушка, выросшая среди книг, часто заглядывала в кабинет отца. Долгие часы, проведённые за совместным учением, пробудили в молодых людях чувства. Хоть хозяин и считал это нарушением приличий, он не стал противиться счастью дочери и согласился на этот брак.

Через год после свадьбы книжник отправился в столицу на экзамены. Молодая госпожа к тому времени уже носила под сердцем дитя и осталась ждать мужа дома. Но вестей от него не было — он словно канул в лету.

Оправившись после родов, барышня, снедаемая тревогой, поехала в столицу искать супруга. По чистой случайности она оказалась у ворот богатого поместья, где шёл свадебный пир. И среди гостей, весело смеющимся и поднимающим кубки за новую жизнь, она узнала своего мужа.

Когда она попыталась потребовать объяснений, слуги схватили её и заперли в сарае. Позже выяснилось, что книжник провалил экзамены и, бродя в отчаянии по храмам, спас дочь уездной принцессы Цзяхуэй. Та влюбилась в него с первого взгляда, и принцесса, потакающая капризу дочери, устроила их брак. Скандал, который могла поднять законная жена, выставил бы знатную семью на посмешище перед всей столицей.

В итоге семья принцессы нашла выход: её дочь проявила «великодушие», позволив барышне войти в их дом на правах благородной наложницы. Столичные сплетники наперебой хвалили жену за широту души, ставя её в пример другим.

Несчастливая женщина — законная супруга — в одночасье стала наложницей. Никто не знал, почему она согласилась на это унижение, но с того дня она больше никогда не улыбалась. Её отец, узнав о позоре дочери, угас от горя и три года назад скончался, виня себя в том, что пригрел змею на груди.

Недавно и сама барышня покинула этот мир. Последней её волей было вернуться в родные края и быть погребённой в родной земле. Своему сыну, юному господину Чжунли Юю, она велела три года соблюдать траур в этих местах, прежде чем возвращаться в столицу.

Вскоре после её кончины появилась книга «Сказание о вышивальщице». Кто-то намеренно очернил её имя, выставив распутной женщиной, сбежавшей из дома, и превознося добродетель принцессы и чувства «благородного» мужа.

Управляющий Сюй пришёл в ярость, увидев это чтиво в кабинете юного господина. Но мальчик лишь прижал книгу к груди и прошептал:

— Девушка на картинке так похожа на маму... Дедушка Сюй, я так по ней скучаю.

Сердце старика обливалось кровью, когда он смотрел на плачущего сироту. С тех пор как хозяйки не стало, ребёнок почти не ел и таял на глазах, не выпуская из рук эти гнусные страницы только ради маленького рисунка. Именно поэтому Сюй приложил все силы, чтобы разыскать мастера и получить портрет, который был бы достойной памятью о покойной.

Он надеялся, что этот лик хоть немного облегчит горе в сердце юного господина.

<http://bllate.org/book/15354/1419713>